

СОЗДАТЕЛЬ ОРУЖИЯ ПОБЕДЫ

Никакой лично моей заслуги нет в том, что во время войны и в первые послевоенные годы я, тогда ещё отрок, довольно близко общался с создателем знаменитого автомата ППШ конструктором Георгием Шпагиным. Мой отец происходил из семьи потомственных тульских оружейников, пятнадцатилетним пришёл работать учеником в закалочную мастерскую оружейного завода ещё накануне Первой мировой войны и к концу 30-х годов достиг довольно заметной должности. А когда накануне Великой Отечественной было принято решение развернуть производство пистолета-пулемёта Шпагина, отца направили работать на этот новый завод в город Загорск в Подмоскowie (ныне городу возвращено его историческое имя Сергиев Посад). А главным конструктором стал Георгий Семёнович Шпагин.

На снимке: Г. С. Шпагин (в центре) с работниками завода.

Сам Георгий Семёнович был одним из талантливых рабочих, изобретателей-самоучек, родом из города Коврова, а происходил из "гнезда" прославленного творца отечественного оружия В. А. Дегтярёва. Долгое время он работал слесарем в оружейной мастерской и, когда КБ Дегтярёва конструировало новый пулемёт, внёс настолько существенные предложения, что буква от его фамилии появилась в названии этого оружия: ДШК ("Дегтярёв - Шпагин крупнокалиберный"). На государственных испытаниях ППШ соревновался с ППД. Как рассказывал отец, дегтярёвский ППД по некоторым тактико-техническим данным показал лучшие результаты, но... Всё дело в том, что шпагинский автомат был невероятно технологичным! Сплошная штамповка. Конструкция обещала быстрее развёртывание массового производства - это и определило выбор правительственной комиссии.

Для начала производства нового автомата правительство определило один из заводиков, который до того выпускал замки, шпингалеты и дверные петли, - местные жители так и говорили: "Работаю на "Скобянке". Вот на эту "Скобянку" и направили моего отца налаживать почти на голое место производство нового стрелкового оружия.

Всю войну и несколько лет после он проработал на этом заводе главным инженером. Здесь же находилась опытная мастерская конструктора Шпагина. Естественно, общались семьями, позже вместе ездили на охоту.

К маю 1941 года завод сумел выпустить 20 тысяч автоматов ППШ. Но уже в начале октября отправился в эвакуацию на восток, на берега Вятки. Заводу снова "повезло": для его размещения отвели площадку недостроенной шпульной фабрики рядом с рабочим посёлком. Сюда-то в конце октября и стали прибывать эшелоны со станками.

Поздняя осень, грязь, заморозки, первый снег... Вагоны разгружали круглосуточно, станки ставили иногда на ветру, лишь огородив щитами из горбыля; рабочий уже у станка, а вокруг суетятся строители... Первыми пустили заготовительные цехи, и когда энергетики подключили механизмы на сборке, уже имелся накопленный запас деталей. В конце ноября на фронт пошли первые ППШ с берегов Вятки. В книге воспоминаний заместителя наркома вооружений В. Н. Новикова (будущего председателя Госплана СССР) я прочитал, что в годы войны этот завод выпустил более двух миллионов шпагинских автоматов - больше, чем произвели подобного оружия все заводы гитлеровской Германии.

Сейчас даже вспомнить тяжело, какими трудами и лишениями достались эти успехи. Прибывшие из Подмосковья семьи рабочих размещали в слепленных на живую нитку дощато-засыпных бараках. Семейные имели длинный коридор из торца в торец, из него двери в комнатёнки направо-налево; в комнатке кирпичная плита, располагалось в каждой сперва по две семьи. А бараки-общежития и вовсе были оборудованы, как в лагерях для заключённых, двухъярусными нарами.

Официальный рабочий день - 12 часов. На массовых операциях - юнцы и девчата вплоть до моих сверстников. Так они ещё, помню, и частушки пели, возвращаясь ночью со смены! Впрочем, пели и грустное, вроде "На позиции девушка провожала бойца..."

Георгий Шпагин всю войну прожил на "своём" заводе. У него в распоряжении было опытно-производственное подразделение, но чаще конструктора видели в цехах, нередко - стоящим у станка и показывающим юному работяге, "как это надо делать". Такое было в его характере - по существу, характере простого русского мастера золотые руки.

Впервые я увидел его ещё в Загорске, у нас на квартире. Не помню Георгия Семёновича в костюме и с галстуком - всегда в тёмно-синем полувоенного покроя кителе из толстой шерстяной диагонали, в таких же брюках-галифе и хромовых сапогах. В подобной форме ходило в ту пору большинство советских руководящих работников, начиная со Сталина и Маленкова. В ту встречу в Загорске меня поразила медаль на груди у гостя - с профилем вождя, знак лауреата Сталинской премии; в 1941 году это была немыслимая редкость. Кажется, на премиальные деньги Георгий Семёнович приобрёл личный автомобиль М-1. Это было ещё более исключительное обстоятельство: на право иметь собственную "эмку" требовалось чуть ли не высочайшее дозволение.

В эвакуации Шпагиным отвели для жительства отдельный одноэтажный рубленый дом. Он стоял в самом начале главной улицы посёлка на берегу Вятки, имел тесовые ворота,

веранду на реку, под нею покато уходил к воде огород, который семья заботливо возделывала; внизу у самого забора стояла банька. Огород им был особенно необходим: в семье росло четверо детей (и все - дочери!). В доме у них была какая-то строгая обстановка: сумеречно, просто, сдержанно; вид заурядного "мещанского" обиталища - с круглым столом посреди комнаты, гнутыми стульями вокруг, с геранями на подоконниках. Он и сам был человеком сдержанным, несколько замкнутым. Лицо худощавое, но слегка скуластое по-русски, лёгкие волосы гладко зачёсаны назад и набок, взгляд как будто всегда слегка отсутствующий, словно человек задумался у окна, а сам где-то далеко-далеко отсюда. Молчаливый не от стеснительности - видно было, что чувствует себя в жизни уверенно, только всё как-то сам по себе.

Помню день, когда я пришёл просить у Георгия Семёновича рекомендацию для вступления в комсомол. Был такой порядок: рекомендовать могли два комсомольца или один член партии; видимо, какие-то тщеславные поползновения уже тогда гнездились в моей юной душе! Он вообще относился ко мне благосклонно, а тут без улыбки глянул из-под бровей: "А не подведёшь?" - "Что вы, Георгий Семёнович, не подведу!" Он сел к этому круглому столу и написал несколько строчек в соответствующей бумаге... Нет, я его не подвёл.

Как просто выглядел творец, так прост был и его автомат. Бракованные детали выбрасывали на свалку, которая никак не охранялась, и вот заводские пацаны быстренько научились из этих - со свалки - деталей самостоятельно собирать по домам ППШ. Правда, без решетчатого стального кожуха да и без приклада - это в играх было необязательным, однако оружие получалось весьма боеспособным. А потом ещё придумали устраивать автоматный ствол в ракетницу (СПШ - сигнальный пистолет Шпагина), и получался такой "маузер", что будь здоров! Соответствующие органы как-то это дело поначалу упустили. А спохватившись, провели в наиболее вооружённых кварталах "тимуровцев" повальные обыски...

Что же касается человеческого характера Шпагина, то я теперь вижу, что он сознательно немного подыгрывал своему имиджу простого работяги. Помню, шофёр директорской "эмки" Коля Баранов с некоторой обидой рассказывал, как был свидетелем передачи Шпагиным на новые водительские права (Да-да, генеральный конструктор, лауреат и Герой Соцтруда передавал в районной милиции на общих основаниях). Шпагина попросили ответить на какой-то технический вопрос, и он стал объяснять: "Вот тут есть дырка, в неё вставляется..." - "А? Дырка! - возмутился технически подкованный Коля. - Ведь конструктор, мог бы сказать отверстие или проушина..." Или раз я сам его спрашиваю: "Георгий Семёнович, вы сколько пороха кладёте на свой двенадцатый калибр?" - "А! Побольше сыпанёшь, крепче бить будет", - с вполне серьёзным видом ответил он. Я и запомнил эпизод потому, что по молодости сперва поверил и очень удивился: а как же баллистика и прочие хитрости, он ведь должен знать! Нет, простой, да вовсе не простак, очень даже себе на уме! Вот только барство в человеке совершенно отсутствовало. Рабочая косточка. И уж совершенно преображался человек на охоте. В первые годы войны ни о какой охоте, естественно, речи не шло - сутками пропадали на заводе. Отца я почти не видел и знал-то плохо: он появлялся дома часа в четыре ночи, рано утром пил чай и - назад. Выходных и отпусков официально не существовало. Мы, подростки, были полностью предоставлены себе:

отцы, если не на фронте, то - как мой. И как-то вот выучились, выросли... На охоту стали вырываться впервые только в самом конце войны, когда исход великой битвы стал ясен. Отец брал и меня. Ездили в лес гонять зайцев с собаками, добирались до места в санях-розвальнях, завернувшись в тулупы.

Георгий Семёнович в этих поездках преображался! Куда девались обычная молчаливость, даже замкнутость - человек становился настоящим заводилой компании. Вырвавшись из нечеловеческой заводской напряжённости, он сбрасывал все оковы и распускал тормоза: гуляй, душа! Зайчишку сперва надо было поднять с лёжки, чтобы гончие могли перехватить след. Делалось это так: "А-та-та-та-та! Вот-вот-вот-вот!" - вдруг отчаянно раздавалось в звонкой тишине промёрзшего бора. Это охотники старались голосами "взбудить" длинноухого. И вот оказалось, что Шпагин - настоящий мастер "художественного наклика", он не просто шумел в лесу - вкладывал в дело всю душу: "Ах, буди его, буди! Вот, вот он лежит, косой разбойник, лежит, ухом шевелит, от собачек не бежит! А-ах, вставай, сейчас на хвост наступлю!" И так бесконечно, не повторяясь, с неистощимой выдумкой - настоящий охотничий фольклор, в котором находил выход весь артистизм его натуры. Это продолжалось, пока собаки не схватят след и не заголосят, начав гон.

Закончив охоту, обычно перекусывали, разложив тут же на санях варёную картоху, сало, собственного солёния огурцы. Как-то заехали обогреться на обнаруженную неподалёку колхозную пасеку. И вот дед, караульщик при омшанике, всё допытывался у Георгия Семёновича, что это у него торчит на стволе ружья. (То была насадка с усиленным чоком - на автомате, кажется, системы "Браунинг").

- Это что же будет-то, ась? - не отставал въедливый старик.

- Вот пришлось глушитель поставить, а то эхо сильно в бору разносится, - прищурившись, отвечал Шпагин.

- Не-е, я в оружии разбираюсь, ещё с германцем воевал. Не хотите сказывать, не надо - может, секрет. - Он покачал головой. - У меня дома така же бердана висит, только затвор не похож. Да вот штука, вылетает мой затвор при выстреле-то, так и жди: то ли в лоб тебе следующим разом угодит, то ли в глаз. Дак я что сообразил: на верёвочку его привязываю.

- Что ты говоришь? Ах, едрёна Матрёна, какое простое и надёжное конструкторское решение! - всплеснув руками, хлопнул себя по коленкам Сталинский лауреат. - Ну, дед, спасибо, ну порадовал! Чарочку ему, чарочку за такое изобретение и немедленно!

И заветная фляжка снова пошла по столу вкруговую...

Раз в 10-15 лет я начинаю перебирать свои фотографические архивы. Среди них есть и снимки Георгия Семёновича Шпагина. Как говорится, любительские, плохого качества, к тому же поблекшие более чем за полвека, но самому рассматривать интересно. Вот он на палубе заводского катера "Молот" - в полувоенном кителе с орденскими планками (кстати, среди наград Шпагина был орден Александра Невского, которым удостоивали только полководцев), в зелёной фуражке с матерчатым козырьком, плечи по-военному

развёрнуты - китель ему шёл. Через плечо - ягдташ, к которому на удавках привязаны крякаши; задумчивый взгляд устремлён в сторону и куда-то далеко... А это дочь Женя, которая иногда ездила с ним на охоту, только без ружья...

А это что? Пасмурный день, на небольшой площади масса народу в телогрейках и старых ушанках, на первом плане деревянная трибуна, стоит Шпагин в кожаном пальто и шапке "пирожком", директор завода В. И. Исаков в куртке-"москвичке" с карманами на животе. Подлинная история...

Через некоторое время получил номер городской газеты с информацией о ценном экспонате - даре музею. Для них эта фотография была, конечно, уникальным памятником. Позже мне приходило несколько приглашений на разные юбилеи и торжества, но я ни разу так и не собрался, всё было как-то недосуг.

В 1949 году я уехал из городка. Георгий Семёнович Шпагин получил квартиру в центре Москвы, на улице Горького. Я заглядывал в неё лишь раз. В 1952 году он умер от рака желудка, было ему тогда всего 55 лет.